

28.05.93

Сегодня — 1993. — 28 мая. — С. 12

Тамара Макарова: Мне не позволили сыграть Еву Браун

Татьяна Рассказова

Тамара Федоровна, до революции дети получали религиозное воспитание; можно спросить, как складывались ваши отношения с богом?

— В детстве я, как все, ходила в церковь; на Пасху, как все, святила кулич. Но позже в обществе сложилась такая атмосфера, что посещать храмы стало необязательно, а личной потребностью я не ощущала. Так как в школе все было подвластно атеизму, то и я подчинялась этим законам и правилам.

— Поскольку вы по рождению петербуржанка, возможно, в вашей памяти сохранились воспоминания детских лет, связанные с 17-м годом? Черно-белая хроника об этом не расскажет, а любопытно — какой цвет преобладал на улицах?

— По-моему, все-таки серый — цвет вечной петербургской погоды. Отец был военным врачом, мы жили в гренадерском полку. Было голодно, с тех давних времен я запомнила вкус жмыха. Я училась в балетной школе, поэтому иногда выступлениями удавалось заработать паек: буханку хлеба и несколько кусков сахара. Помню, маме приходилось распродавать вещи, чтобы прокормить троих детей (с отцом они, к несчастью, как раз тогда расстались). В то время по дворам ходили скупщики подержанных вещей, так называемые татары. Когда с улицы доносился возглас: «Халат-халат!», мама через форточку приглашала старьевщика подняться, и он брал все, что на него «смотрело»: приглашались стул красного дерева — мама продавала стул, заметил кольцо на пальце — покупал кольцо.

— Когда Козинцев и Трауберг впервые пригласили вас сниматься, вы познакомились с Сергеем Герасимовым. Нельзя ли рассказать, как он за вами ухаживал, чем покорило ваше сердце?

— Видите ли, Герасимов был уже тогда очень знаменит как актер — играл он, как правило, этаких оборочительных негодяев. За ним бегали толпы поклонниц; признаться, и я находилась под обаянием его славы, но никак не могла предположить, что из сонма девушек, сердца которых учащенно билось в его присутствии, он выберет меня. Случилось так, что на съемки в Белгород меня было некому проводить, и когда на перроне внезапно появился Сергей Аполлинариевич, я с радостью заподозрила, что это неспроста. Позже он присоединился к нашей съемочной группе, поскольку тоже был занят в фильме «Чужой пиджак», и мы стали неразлучны, а вернувшись в Ленинград, решили пожениться.

— Известно, что вы оба не были диссидентами в искусстве и, судя по фильмам, искренне верили, что в стране строится прекрасное, справедливое общество. Скажите, когда репрессировали ваших родственников, ваше сознание как-то изменилось?

— Происшедшее с отцом и сестрой показалось мне страшной несправедливостью, но поверить, что вокруг творились уммышленные злодейства, я не могла. В то время мало кто был провидцем, да и масштабы репрессий вообразить было невозможно. К тому же случались и совершенно необъяснимые вещи: у Сергея Аполлинариевича была сестра Марианна, работавшая в органах, и она тоже была арестована. Правда, в лагере пробыла недолго, однако, вернувшись, покончила с собой — такова была ее судьба. То есть оказывалось, что в заключение

попадали сотрудники госбезопасности, и это окончательно запугивало глубок трагических событий, так что вытянуть нитку истины никому было не под силу. Приходилось искать всему этому какие-то оправдания.

— Какие же оправдания вы находили?

— Хотя бы то, что, когда я стала хлопотать за сестру, мне очень быстро удалось ее извлечь из лагеря. Поэтому я подумала, что известные мне случаи арестов связаны с бюрократическими ошибками.

— В одном из ваших фильмов, быть может, не столь знаменитом, как «Семеро смелых» или «Комсомольск», — в сказке «Каменный цветок» (вероятно, невольно) выстроена коллизия, которую никто бы не позволил воплотить в советской реалистической кинокартине: мужчина использует любящую его женщину для стимуляции своих творческих потенций. Познав же наконец красоту возжеленного Каменного цветка, то есть напигарившись мощной энергетикой вашей Хозяйки Медной горы, он ее оставляет: уходит творить шедевры, связав судьбу с юной, хрупкой и целомудренной подругой. Скажите, а не случилось ли вам в жизни заниматься творческим донорством — не обязательно в осложненной любовными отношениями ситуации?

— Идеальная модель того, что вы называли донорством, — отношения педагога и студента. Так что я занимаюсь этим по меньшей мере полжизни. А если понимать творчество более широко, то, может быть, это и наивно, но мне кажется, что актерам в довоенные годы удавалось передать зрителю лучшие качества и благородные устремления своих героев, то есть сообщить им некий энергетический импульс. В самом деле, никто же не принуждал зрителей писать, что, предположим, после просмотра картины «Семеро смелых» он или она решили непременно стать врачом или зимовщиком. А подобные письма получала не только я.

— В фильме «Клятва» ваша героиня в числе прочих званых и избранных сидит за гигантским пиршественным столом со Сталиным, а в картине «Великое зарево» даже беседует с ним в редакции «Правды». В вашей собственной жизни случалось что-нибудь подобное?

— В фильме «Клятва» ваша героиня в числе прочих званых и избранных сидит за гигантским пиршественным столом со Сталиным, а в картине «Великое зарево» даже беседует с ним в редакции «Правды». В вашей собственной жизни случалось что-нибудь подобное?

— Я близко видела Сталина во время вручения Сталинских премий в 1941 году. Приглашенных было тысячи полторы, и после церемонии вручения Сталин сказал в микрофон: «Отбери человека 50–60, мы посмотрим фильм». Я сидела рядом с

Орловой и Александровым, и все мы были приглашены Посторонними в кинозал, а когда вошли, от экрана уже шел навстречу Сталин, ошупывая нас своими странными, рыжими в крапинку глазами. Мне показалось, он удивлен моим нарядом (надо сказать, я всегда любила красивые вещи и в Кремль надевала чудесные голубые серьги и черную юбку — а их тогда еще мало кто носил).

— Он смотрел одобрительно или с осуждением «непротарской» роскоши?

— Думаю, одобрительно, потому что попросил Александра: «Познакомьте меня». И мы познакомились. После кино гостей стали обносить шампанским, и Сталин, обратившись ко мне, предложил: «Может, вы споете свой „Тяжелый камень“?». Имелась в виду частушка моей героини: «Серый камень, серый камень, серый камень — шесть пудов. Серый камень так не тянет, как проклятая любовь». Я сказала: «Товарищ Сталин, не „Тяжелый камень“, а „Серый“». Но я не пою — с трудом спела в «Учителе». «А что вы так похудели?» — спросил он. Я объяснила, что снимаюсь в картине «Маскарад» и это необходимо для роли.

— Как правило, вы играли идеальных советских женщин — нежных, ответственных, но в трудную минуту проявляющих решимость и твердость характера. Неужели вас никогда не приглашали на откровенные роли?

— Я так привыкла играть безупречных героинь своего времени, что, когда Михаил Чиаурели предложил мне роль Евы Браун, я решила, что непременно попробую. К несчастью, в те годы назначения на фильм утвержда-

лись в министерстве, и министр кинематографии Большаков категорически отверг эту идею, заявив, что совершенно недопустимо, чтобы у народа сложилось впечатление, будто женой Гитлера была Тамара Макарова.

— Вы и Герасимов в 1943 году одновременно вступили в партию и примерно с того же времени стали вести во ВГИКе объединенную актерско-режиссерскую мастерскую. Означает ли это, что работать с молодежью позволялось только коммунистам?

— Эти события между собой не связаны. Да и мастерская появилась несколько позже. А в партию мы решили вступить в 41-м году, когда замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда. Пришли в райком и увидели, как жгут партийные документы. Именно тогда мы подали заявления и были приняты кандидатами. Кандидатский стаж — два года, поэтому партбилеты датированы 43-м.

А в 41-м Герасимов, Калатозов и я работали в шестом отделе политуправления Ленинградского фронта. Я участвовала в создании листовок по разложению тыла противника, при этом работала в госпитале. В это же время Герасимов и Калатозов начали снимать картину «Непобедимые». Хотя этот фильм был игровым, съемки проходили на улицах Ленинграда военного времени, так что картина оказалась как бы историческим документом — настолько, что, когда она была закончена, на одном из просмотров какая-то женщина, увидев родное лицо, мелькнувшее на экране, воскликнула: «Это же мой муж!»

Работа над фильмом была завершена в Ташкенте и Алма-Ате, так как в конце 41-го года нас заставили эвакуироваться, да и снимать в Ленинграде было уже невозможно: постоянные артобстрелы в черте горо-

да. В середине 42-го мы возили его показывать Жданову, который картину не принял: нашел, что в ней недостаточно патриотизма. Другими словами — слишком много человеческих страданий. Его стараниями «Непобедимых» заменили широко фильмом не пошел.

— Скажите, а Сергей Аполлинариевич всегда снимал то, что ему самому хотелось, или порой получал социальный заказ сверху?

— Социальный заказ? Никогда. В этом смысле ему повезло: не нужно было наступать на горло собственной песне. Другое дело, что в последние годы жизни он, по моему, начал во многом сомневаться, ревизовать тот идеал коммунизма, которому совершенно искренне всегда служил. Не могу забыть, как однажды он сказал: «Неужели я зря прожил свою жизнь?» Впрочем, не берусь категорично судить о его сомнениях, поскольку вслух он их не высказывал, они остались его болью, которую, как мне кажется, он не хотел передавать близкому человеку.

— Существует легенда, будто Герасимов побывал в загадочной стране, расположенной в высокогорной части Непала, где ему была дарована вечная молодость. В самом деле, почему он почти не менялся с годами?

— Вероятно, порода такая, плюс удивительная жизнерадостность: его занимали новшества в науке и поэзии, в искусстве и индустрии. Он был, надо сказать, поистине демократичным человеком: для него не существовало вопроса, какой стати его собеседник — министр

это или слесарь. Если нужно, он мог подать уборщице пальто или ведро поставить. У него был дар общения, он умел говорить не со зрительным залом, а как бы с каждым отдельным человеком, поэтому его приглашали в самые разные аудитории. Я как-то обнаружила вывеску над входом в одно учреждение: «Главпаявка», и с тех пор над ним посмеивалась: «Только в „Главпаявке“ ты и не выступал!»

Он никогда ни от чего не отказывался: если просили написать статью — садился и работал всю ночь, если приглашали куда-то поехать — собирался и ехал. Очень любил гостей в доме, любил их потчевать и сам прекрасно готовил, поэтому в шутку его называли Сергеем Акулиналиевичем. «Пельмени Герасимова» по сей день есть в меню Дома кино и одного небольшого ресторанчика в Италии. Да, он действительно любил путешествовать, объездил полмира, но в Непале не бывал.

Макарова Тамара